

Примечания

¹ Красноярск в дореволюционном прошлом. Красноярск, 1990. С. 73.

² Разгон В. Н. Сибирское купечество в XVIII—первой половине XIX в. Барнаул, 1999. С. 38, 78—79, 82.

³ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 441. Л. 6—7.

⁴ ГАКРК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 335/1. Л. 5.

⁵ Разгон В. Н. Сибирское купечество... С. 119.

⁶ ГАКРК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 335/1. Л. 1—10об.

⁷ Там же. Ф. 122. Оп. 1. Д. 53. Л. 14об.

⁸ Там же. Ф. 160. Оп. 3. Д. 335/1. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 10; Оп. 2. Д. 5. Л. 9об.

¹⁰ Там же. Л. 9об.

¹¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1602. Л. 46об.

С. А. Козлов

РУССКОЕ КУПЕЧЕСТВО В ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСКАХ РОМАНА ЦЕБРИКОВА*

Переводчик и публицист Роман Максимович Цебриков (1763—1817) относился к числу тех людей, кто хорошо разбирался в тонкостях русской торговли и знал ее, что называется, изнутри. Уроженец Харькова, он в 1779 г. отправился в Лейпциг для обучения в университете. Но Роман Цебриков не имел денежных средств для оплаты образования и поэтому занялся коммерцией. Он стал переводчиком («толмачом») у русских купцов «при купле и продаже товаров» на Лейпцигской ярмарке. Это позволило, по собственному признанию студента, «познавать практически коммерцию» и «совершенствовать себя безостановочно в науках», обучаясь в Лейпцигском университете.

Роман Цебриков в торговых кругах снискал репутацию человека «в великих искушениях непоколебимого». Немецкие купцы, оценив его беспристрастность в самых запутанных коммерческих делах, уговаривали остаться в Лейпциге. Ему предлагали годовое жалованье в

* Работа выполнена при поддержке Института «Открытое общество», грант RSS № 546/2000.

1000 талеров и должность присяжного переводчика «на всех выгодах и условиях <...> при тамошнем магистрате». Однако Роман Цебриков решил вернуться в Россию. «Я не могу навсегда разстаться с моим Отечеством, — писал он, — я его люблю и хучу, лучше в нем проводить дни мои посредством малых моих знаний, здесь приобретенных, при посредственном довольстве и умеренности, нежели наслаждаться изобилием вне онаго»¹.

Пусть не сразу, но его знания оказались востребованными в России. Пригодился и коммерческий опыт. Возвратившись в Петербург в 1785 г., Роман Цебриков по заданию президента Коммерц-коллегии графа А. Р. Воронцова написал краткое «разсуждение о производимой в саксонском городе Лейпциге русскими купцами торговле». В записке он показал, что купечество продавало с выгодою, а где «часто оставалось в накладе», раскрыл механизмы и изощренность борьбы за торговые рынки и получение максимальной прибыли.

Предстал перед нами и образ русских купцов XVIII в., которые, торгуя в Европе, «вредили себе сами». Привезенные товары они продавали не «по одинаковой цене», вызывая тем самым у немецких купцов «сомнения». При этом более всего «таились» от соотечественников, боясь «открыться им в количестве купленных товаров».

«Краткое разсуждение о <...> торговле» Романа Цебрикова включено в его путевые записки «Описание двухлетней петербургской жизни», которые хранятся в Отделе рукописей РНБ (Ф. 830. Бумаги Р. М. Цебрикова. Т. 1). Эти дневниковые записи написаны в разное время на разной бумаге и разными чернилами. Материалы были подвергнуты кодикологическому анализу, что дало возможность по филиграммам бумаги установить хронологические рамки написания отдельных блоков записок с 1785 по 1791 г. Ниже публикуется фрагмент вышеупомянутой записки.

(Л. 26об.) Вот краткое мое разсуждение о производимой в саксонском городе Лейпциге русскими купцами торговле:

К достижению предполагаемого какого намерения избираются соразмерныя средства. К приобретению, например, нужных и полезных в обществе наук, потребны денежные издержки. Щастлив тот, кто провидение наградив внешними избытками, ведет по пути щастливому, быть полезным чрез них и самому себе, и обществу. Но что остается предпринимать тому, кто имея от природы подобное мыслей стремление, лишен оных вспомогательных средств. Таков был мой жребий в первых местах моего просвещения, которое почерпнул я в харьковских

училищах, заведенных щедротами и благопризрением сирот великой в свете монархини Екатерины II.

Там окончив все по устроенному сих училищ порядку, преподаваемая первоначальная основа науки, отважился я по внушению старшего моего брата для совершеннейшего познания оных предпринять путь в Германию с тем по нужде намерением, чтобы искать средств к содержанию и учиться. На сей конец удалился я в Киев, чрез которой, как ближайший к польской границе город проезжает российское купечество в германские торговые города для коммерческих своих дел. И сие предприятие было для меня столь удачно и благоуспешно, что наши купцы, ехавшие в саксонский город Лейпциг для торгового их промысла, не только меня с охотою туда взяли, но по знанию моему довольно уже тогда немецкого языка обещали доставить мне и потребное содержание для продолжения наук, буде токмо приложу старание служить им переводчиком при купле и продаже товаров во время ярмарки, около трех недель там продолжающейся.

Приняв от них с чувствительнейшим удовольствием и признательностию таковое с их стороны обнадеживание, и лаская себя несомненными видами иметь сим средством безнужное содержание в чужих краях, имел я впоследствии времени неусыпное рачение, как поступать соответственно с их предложением, так и познавать тем самым способом практически коммерцию, толь удобно способствовавшую мне совершенствовать себя безостановочно в науках. Сей особой, для меня благотворительный случай, намерен я здесь несколько объяснить, и потому приступаю теперь к краткому изложению оного.

Город Лейпциг с древних времен славен своею торговлею по причине выгодного его местоположения.¹⁻¹ Не нужно здесь упоминать о прочих его достопамятностях, как-то в древности славящагося поныне ученостию университета, академии живописи и архитектуры, разных других училищах, великолепных зданиях, многочисленных прекрасных садах, гульбищах и проч. и проч.¹ Он есть как бы в центре всех окружающих (Л. 27) его торговых городов, как-то Гамбурга, Любека, с которые посредством выгодных и всему свету известных портов своих доставляют Лейпцигу в большом количестве англинские, американские и остиндские товары заблаговременно и с великою выгодною для купечества от Бремена, Кили, Франкфурта при реке Майне и другага при реке Одере, Берлина, из коего знатная часть приезжих составляет немалое число продавцов на лейпцигских ярманках, Данцига, Кенигсберга, Праги, Бреславля, Вены и многих других.

¹⁻¹ В ркп. написано на поле.

Выгода города Лейпцига в разсуждении ярмарок в том еще состоит, что первая бывает вскоре после Пасхи весною, в которое время наиболее голландские, англинские и колониальные товары привозимы бывают, а вторая в первых числах октября, так именуемая Михайловская, и гораздо уже против первой выгоднее, ибо к сему времени несравненно большее привозится количество товаров по причине подоспевающих из Америки и Восточной Индии свежих как первоначальных продуктов, так и разных изделий тамошних сторон света. Бывает еще и третья в генваре месяце ярманка вскоре после Новаго года, но она скуднее против двух первых и количеством товаров, и числом занимающихся торговыми промыслами, и на оную не приезжают купцы из дальних мест, как-то из Франции, Австрии, Венгрии, Греции, Италии, Константинополя и других иностранных государств, кроме из Польши и прочих ближних к Лейпцигу мест.

Таковая выгода в разсуждении времени, для купеческих оборотов весьма нужна и стечение великаго числа купцов из разных отдаленных мест и государств, служат первым предметом и вниманием нашего купечества, которое на первые две ярмарки приезжает для продажи иногда там своих пушных товаров разного рода воска, чаю, юфти, рыбьяго клею.² Наш сухим путем привозимый чай несравненно там лучше привозимаго морем из Голландии и Англии, и потому в великом находится уважении, но его привозят туда не слишком в большем количестве.² Я только сии товары там видел. Но более для покупки чужестранных товаров следующих: ситцу, полуситцу и разной доброты бумажных платков, от коих последних, по собственному их признанию, имеют они в России малую прибыль или почти и никакой, поелику таковыя московских фабрик изделия в наружной красоте ни в чем оным не уступают, шелковых товаров. Малороссийские купцы покупают сии товары для того, что де извоз их не много стоит, и деньги за них безубыточно вручать могут.

Московские же, напротив, покупают довольно количество шелковых товаров в разсуждении большаго оным в великороссийских городах расхода и прочности, против делаемых в Москве превосходнейшей, саксонских белых как полотнянных, так и бумажных разных товаров, продаваемых у нас с немалою прибылью, хотя за них всегда должно платить наличныя деньги и в кредит никогда получить их не можно. Таковых же аглинских, но потоньше, продаваемых в наших местах не весьма уже завидным барышем, но та выгода, что можно их покупать на кредит. Шерстяных саксонских и других окрестных мест

²⁻² В ркп. написано на поле.

товаров, вывозимых оттуда в Россию с великою выгодною, платя, однако, за оные наличные деньги. Сукон в самом малом количестве там покупаемых, напротив, из Бреславля очень много вывозимых. Полтавская компания, именованная прежде золотою и гонявшая в Силезию на продажу стада рогатой скотыны, выписывает теперь чрез Лейпциг из голландских фабрик много сукон и полотна, а из Лиона, славящегося многочисленными фабриками французского города, также знатное количество всяких шелковых товаров и парчей, что все доставляется в Лейпциг, где она по расчету, получивши их в свои руки, отправляет в Россию.

Сверх того, купечество наше закупает немало галантерейных вещей, как-то золотых и серебрянных часов, пряжек, склаважей, браслетов, табакерок, зеркал разной величины, много различных женских уборов и всяких других для покоев мебели дорогой цены, каковые товары идут более в Великобританию чем в Малороссию и Украину. Весьма знатная сумма денег употребляется на покупку известной саксонской фарфоровой посуды, и платят вдвое, втрое и более против обыкновенной цены за сделание по заказу полных сервизов и других к роскоши служащих фарфоровых вещей, как-то ваз, фигур, изображающих разные предметы и проч. Нередко случается покупать тамо нашим купцам лисыцы красные шведские и черные американские, куницы, бобры и другие пушные товары, кои они, по их словам, провозят на Кахту для обмена их на китайские товары, получая от того себя нарочитую прибыль.

Для покупаемых в Лейпциге нашими купцами товаров, не привозят они туда из России своих продуктов, чтоб оными заменять могли (Л. 28) те суммы, на кои забирают они вновь товаров, почему и должны недостаток сей дополнять собственными деньгами, переводимых посредством голландских и английских векселей. Таковым переводом денег, как известно, они теряют иногда очень много, смотря по курсу низкому или по обстоятельствам, крайне для них невыгодным. Случалось также видеть мне у некоторых из наших купцов по тысячи старых серебрянных рублей и более, на которые, однако, там промен не очень прибыточен.

В Польше же, как от них самих слышал, дают по пятнадцати копеек на рубль промену. Таким образом, не может быть тамо выгоднаго баланса по торговле со стороны нашего купечества. Притом надобно еще заметить, что наши купцы редко с выгодною продавать там могут свои товары, а особливо пушные, и часто остаются в накладе, а иногда претерпевают и великий изъян <...>.

А как русские купцы, получая на кредит товары у немецких, подписываются по-русски на векселях, написанных по-немецки, тои в тако-

вых случаях по незнанию рускаго купца, что в векселе написано, а равно и по незнанию толмача, что нашим купцом подписано (наши же купцы при подписании векселя всегда и срок для памяти словами прописывают) происходят важныя недоразумения, великия споры и вред для нашего купечества, ибо я для перевода нередко имел в своих руках таковыя вексели, что немец написал на шесть месяцев сроком, а руской, по словам толмача, подписал на год. Да иначе нашим купцам и изварачиваются в деньгах не можно, как токмо в год для заплаты за кредит в Лейпциге, приняв во уважение время на провоз товаров в Россию нужное на продажу оных, болшею частью также на кредит. И что русские купцы всегда токмо один раз в год туда приезжать могут и действительно единожды только в год приезжают.

Поелику при вывозе товаров из Лейпцига надлежит платить в магистрат транзитную или провозную пошлину, которая, впрочем, может быть весьма умеренна, потому что всякому вольно показать вывозных товаров на какую угодно сумму, да и магистрат, не желая стеснять свободы коммерции, не приказывает осмотрикам входить в подробности при показаниях количества таковых товаров, то и тут наши купцы, не будучи в состоянии по незнанию тамошняго языка исполнять сами хлопоты сии, вверяются своим толмачам, кои лишают их иногда и тысячей, как я о сем нечаянно проведаль. Просить же о исполнении сего дела другаго человека справедливаго не отваживаются наши купцы для того, чтобы сколько-нибудь не открылось о количестве купленных ими товаров. Вообще наши купцы очень друг перед другом в том таятся, чего между немцами я не приметил. Сверх того, немало они сами себе вредят, продавая в одном городе или на одной ярмарке привезенные из чужих краев товары не по одинаковой цене <...>, а сие самое приводит немецких купцов в сомнение и заставляет их при продаже товаров ставить на удачу большия цены, так что, ежели наш купец платил им исправно пять или шесть раз данные уже седьмой раз (Л. 29) немцом на кредит товары, буде бы за оные и не было впредь заплачено или бы купец наш сделался банкротом, почти уже ему окупилсь прежними дорогими ценами. В самом деле таковыми непомерными ценами доведены некоторые из наших купцов, не хочу сказать до совершеннаго разорения и банкротства, но до такой почти крайности, что не будучи в состоянии выручить соразмерной взятым на кредит товарам суммы, не приезжают уже по невозможности удовлетворить своих кредиторов и на ярмарки в Лейпциге, например, Масляников из Добрянки, Логунов из Елисаветграда, Дмитриевич и Белоглазов из Киева, Тихонов и Дегтярев из Путивля, Хлапонин из Курса, Татаринов из Москвы, как сам о себе сказывал и прочие из других мест, что случи-

лось в мою там бытность.

Есть ли принять в разсуждение сумму вывозимых нашими купцами оттуда товаров, гораздо за миллион талеров простирающуюся в одну только ярмарку, ибо и на другую приезжают другие уже купцы, и сравнить с тем привозимые для продажи наши продукты, то не можно не жалеть о таковом к ущербу нашей торговли служащем баланс и не желать, чтобы купечество наше было поосторожнее и между собою согласные. На таковой конец тамошнее купечество весьма часто внушало мне, чтобы я уговаривал наших туда приезжающих купцов завести порядочную кантору и определить особаго человека, могущаго производить как корреспонденцию с обеих сторон, так и оставляемые в Лейпциге ими товары продавать заблаговременно, и который бы всегда находился лично при подписании векселей и при заключении контрактов на поставляемые с обеих сторон товары или на заказываемые в срок другия какия вещи, говоря что им весьма уже наскучили производящая часто от недоразумений споры и разныя неудовольствия. Хотя притом по-видимому и стремилась их цель к тому, чтоб себя обезпечить когда российских продуктов будет там лежать в большом количестве и потому можно бы было давать безопаснее на кредит нашим купцам свои товары.

Но нельзя и того не приметить, чтобы здесь не видна была с нашей стороны польза, ибо вместо того, что купцы наши приехав туда не вовремя на ярмарку с товарами, стараются поскорее сбыть их с рук, могут они складывать их в сохранное место и поручить надежному человеку до будущей ярмарки, которой тогда, по неприбытию еще новых товаров, мог бы их по крайней мере продать за сходную цену, поелику французы приезжают в Лейпциг для покупки пушных товаров всегда почти впредь за две недели до открытия настоящей ярмарки. И также уезжают оттуда заранее по своим другим расчетам, как напротив наши едва успевают приездом своим по открытии ярмарки. И хотя я им многократно представлял, каким образом происходит там наивыгоднее продажа пушных товаров и в какое именно время, только всегда от них слышал, что невозможно им заранее высылать туда своих товаров по причине разновременных ярмарок, на коих они скупают те товары, и что при всей поспешности их едва и в таковое время товары свои туда доставлять могут. Но исследование представленных ими на сие доказательств и причин, отчасти справедливых, требует написания многих листов бумаги.

В пятилетнее мое в Лейпциге пребывание, занимаясь продолжением наук и обращаясь между тем в коммерческих делах, доставлявших мне довольное содержание, имел я щастие приобрести себе как от та-

мошняго, так (Л. 30) и российского купечества доверенность, при которой стараясь сколь можно проникнуть в торговые обороты, весьма ощутительно я приметил, что производство оных со стороны российских купцов требует великой расторопности. Усердствуя соотечественникам моим, предостерегал их во многих случаях от убытков, чем они очень довольны были. Но не могу скрыть и того, что сами они по большей части были причиною невыгодам своим от взаимной недоверчивости и несогласия. <...> Немцы, примечая за моим поведением и удостоверясь многими опытами о моем в коммерческих запутанных делах всегда неизменно оказываемом безпристрастии, убеждали меня на самых выгодных условиях остаться в Лейпциге, кроме полагаемаго ими мне в год обыкновеннаго жалованья по тысячи талеров. <...> Когда же я на то не соглашался, сказав им, что не хочу зависеть от частных людей, то по домогательству их предложил мне тамошний магистрат, как единое главное всего города правительство, чтобы я вступил в должность присяжнаго переводчика на всех выгодах и условиях, коими пользуются тамо переводчики греческаго, венгерскаго и турецкаго языков, от него уже зависящие. Но как главная цель поездки моей в чужие края единственно стремилась к тому, чтобы по приобретении вящшаго в науках познания, возвратясь в Отечество свое, мог посвятить себя на службу Ея Императорскаго Величества, то и последняго предложения не принял, несмотря на все убеждения со стороны тамошняго купечества и магистрата. <...>

ОР РНБ. Ф. 830. Т. 1. Л. 26об.—30.

Примечания

¹ ОР РНБ. Ф. 830. Т. 2.

Д. З. Фельдман

РОЛЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРЕЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII в. (по материалам РГАДА)

Проживая в диаспоре в различных странах, то есть, будучи оторванным от своей исторической родины в Палестине, еврейский народ в силу ряда причин перешел от своих исконных занятий хлебопашест-